

Цао Е посмотрел черновой монтаж «Мандалы», закурил и набрал в заметках на экране компьютера несколько замечаний. Затем он встал, подошёл к окну, докурил сигарету, потушил её и вышел из конференц-зала.

Прошло уже больше часа, но волнение в компании не утихло — даже идя по коридору, можно было услышать, как сотрудники разных отделов обсуждают Лян Сычжэ, который находится в фотостудии на верхнем этаже.

Цао Е спустился на лифте на восьмой этаж, в фотостудию. Чтобы не мешать съёмкам, коридор и студию освободили заранее. Звукоизоляция в студии была хорошей — снаружи почти не было слышно, что происходит внутри. Цао Е открыл дверь и вошёл. В студии играл тот самый вызывающий джаз, и атмосфера совсем не была похожа на обычную тихую атмосферу съёмки. Съёмочная группа «Мандалы» стояла вдоль стены, как восторженные школьники, издали любясь кумиром.

Чэн Дуань обернулся и, увидев вошедшего Цао Е, сказал:

— Ты пришёл как раз вовремя, скоро закончим.

— Почему включили музыку из фильма? Это не мешает съёмкам? — Цао Е посмотрел в центр фотостудии. Мягкий жёлто-синий свет падал на Лян Сычжэ. На нём была грязная рваная чёрная кожаная куртка, волосы тоже выглядели грязными. Он повернулся спиной к камере и сделал несколько шагов вперёд; даже со спины он казался дерзким и вызывающим. Затем он повернулся к камере — шрам искажал его лицо и делал его немного истеричным.

— Лян Сычжэ попросил. Он считает, что музыка из фильма помогает вжиться в образ, — рассмеялся Чэн Дуань. — У вас двоих, оказывается, похожие музыкальные вкусы. Ему тоже очень понравилась эта музыка. Цэн Жань поставил другую, но он сказал, что лучше поставить на повтор эту.

— Эту музыку, наверное, нельзя не любить, — небрежно сказал Цао Е.

Лян Сычжэ закончил сниматься и, поворачиваясь, случайно посмотрел в сторону Цао Е. Их взгляды встретились на мгновение. Эмоции героя всё ещё были в глазах Лян Сычжэ, поэтому его взгляд казался холодным и чужим, что немного удивило Цао Е.

— Мы ко всему подходим объективно, в отличие от вас двоих, которые так привязались к этой мелодии, — сказал Чэн Дуань, подталкивая его к монитору. — Пойдём посмотрим, что получилось.

Цао Е пришёл в себя. Сделав несколько шагов, он вспомнил взгляд Лян Сычжэ и вынужден был признать, что Шрам в исполнении Лян Сычжэ кажется более убедительным, чем у Хуан Цяньши. На самом деле, понимание и исполнение Шрама Хуан Цяньши были безупречны. Жестокость, истерия, антисоциальность — все эти черты характера он показал превосходно. Два месяца назад, после выхода фильма, все в компании говорили, что это пик актёрского мастерства Хуан Цяньши. Хотя это была второстепенная роль, но созданный образ был намного ярче, чем в том фильме, за который Хуан Цяньши получил премию. Но сейчас Цао Е думал, что по сравнению с Лян Сычжэ, версия Шрама Хуан Цяньши была немного искусственной.

Лян Сычжэ перед камерой был расслаблен, словно он и есть Шрам. Жестокость и истерия были показаны лишь на треть, остальные семь десятых скрывались внутри: всё его существо было наполнено нестабильностью, как пуля, готовая вот-вот вылететь из дула.

После серии снимков Лян Сычжэ вышел из образа Шрама и спросил Цэн Жаня:

— Режиссёр Цэн, всё в порядке? Хотите снять ещё серию?

— Не нужно, всё отлично. — Цэн Жань поднял голову от монитора. — Сычжэ, хочешь посмотреть?

В студии было немного душно, Лян Сычжэ снял кожаную куртку, накинул её на руку и остался в чёрной футболке. Подошёл к монитору, опершись рукой о край стола, наклонился и посмотрел только что сделанные фотографии.

Оторвав взгляд, он обернулся к стоявшему рядом Цао Е:

— Закончил работу?

Цао Е хмыкнул, догадываясь, что Чэн Дуань так объяснил его опоздание. Сунь Цинъянь

принесла бутылку воды и протянула её Лян Сычжэ. Лян Сычжэ выпрямился, взял бутылку, открыл её и сделал несколько глотков. Когда он протягивал бутылку обратно Сунь Циньянь, Цао Е сказал:

— Этот образ тебе очень подходит.

Лян Сычжэ вытер рот тыльной стороной ладони и, услышав это, рассмеялся:

— Думал пойти в душ, но после твоих слов уже не хочу смывать макияж. — Он указал пальцем на шрам у себя на щеке.

Цао Е улыбнулся, ничего не сказав. Внезапно Лян Сычжэ обнял его за плечи, приблизился и, понизив голос до едва слышного шёпота, спросил на ухо:

— Как я по сравнению с Хуан Цяньши?

— Тебе правда нужно себя с ним сравнивать? — Цао Е посмотрел на него. Они были так близко, что он чувствовал лёгкое дыхание Лян Сычжэ у своего уха.

В следующую секунду Лян Сычжэ отстранился, его голос вернулся к нормальной громкости, и посмотрел полусерьёзно, полусхутом:

— Честно говоря, мне очень интересно узнать твоё мнение.

— Лучше, чем он. — Цао Е сказал правду. Он не видел смысла лгать.

Лян Сычжэ рассмеялся, убрал руку с плеч Цао Е и бросил кожаную куртку Сунь Циньянь:

— Возьми, я пойду в душ. — И направился к выходу.

Сунь Циньянь побежала следом, указывая ему дорогу в ванную.

После ухода Лян Сычжэ Цао Е ещё некоторое время рассматривал фотографии на мониторе. Чэн Дуань поглядывал на него, словно что-то хотел сказать, но не решался. Игнорировать его было невозможно. Цао Е прислонился к спинке стула за Цэн Жанем, немного наклонившись, посмотрел на фотографии на экране и спросил Чэн Дуаня:

— Почему ты так на меня смотришь?

Цзэн Жань поднялся, чтобы уступить ему место, но Цао Е придержал его за плечо.

— Могу я сказать? — посмотрел он на него. — Только не взрываись.

— Я что, так легко взрываюсь? — Цао Е выпрямился и бросил на него взгляд. — Говори.

— Просто у тебя все точки взрыва довольно предсказуемы. Ладно, скажу, — улыбнулся Чэн Дуань. — Вы больше похожи на давних любовников, чем на соперников.

К его удивлению Цао Е не взорвался, а рассмеялся:

— Да пошёл ты.

Видя, что Цао Е не хочет продолжать разговор, Чэн Дуань не стал настаивать. Он не собирался доставлять Цао Е неудобство своим любопытством, но его действительно удивил их недавний физический контакт. Когда Лян Сычжэ обнимал Цао Е за плечи и что-то тихо говорил ему на ухо, близость между ними стала очевидной. Чэн Дуань не ожидал, что они были так близки... «Что же спросил Лян Сычжэ?» — невольно задумался Чэн Дуань.

Фотографии получились очень хорошо. Съёмочная группа изрядно приуныла из-за пересъёмок, но Лян Сычжэ своим появлением словно влил в них дозу адреналина: атмосфера в студии была даже лучше, чем во время съёмок в прошлом году. Цао Е смотрел на Лян Сычжэ в образе Шрама на экране и чувствовал, что немного теряется. Он почти переставал узнавать Лян Сычжэ, если долго смотрел на него. Но, подумав, он понял, что теперь и не может считать, что знает Лян Сычжэ. Лян Сычжэ в прессе, Лян Сычжэ в разговорах коллег не имел ничего общего с Лян Сычжэ из его памяти. Возможно, Лян Сычжэ испытывает к нему то же самое чувство, ведь даже он сам, вспоминая Цао Е с улицы Иньсы, чувствовал некую отстранённость. Странно, что Линь Янь и Чэн Дуань, его самые близкие друзья, почему-то оба использовали выражение «встреча давних любовников», описывая отношения между ним и Лян Сычжэ. Цао

Е это показалось забавным.

Спустя некоторое время Сунь Цинъянь вернулась, собрала свои вещи и попрощалась:

— Господин Цао, господин Чэн, мы пойдём, — она указала на дверь. — Сычжэ-гэ сказал, тут немного душно, поэтому он не будет заходить.

— Уже уходите? — Сунь Цинъянь была невысокой, и Чэн Дуаню пришлось наклониться, говоря с ней. — Время обеда, я хотел пригласить вас в клуб поесть... Пойдём скажем ему об этом, — сказал он, кивнув Цао Е.

Цао Е ничего не ответил и вышел вместе с ним из фотостудии.

Лян Сычжэ стоял в коридоре. Он приоткрыл окно и, повернувшись боком, облокотился на подоконник, наслаждаясь ветерком. Его длинные волосы были слегка влажными, ветер неторопливо перебирал их. Парикмахер почти не изменил его причёску — у Шрама были длинные волосы.

«Всё так идеально совпало, словно внезапная проблема с Хуан Цяньши и замена его Лян Сычжэ на пересъёмках предопределены судьбой», — пришло в голову Цао Е.

Тяжёлые железные двери фотостудии скрипнули, открываясь. Лян Сычжэ повернулся к ним. Он смыл грим, и Цао Е подумал, что растерянность, возникшая у него в студии, всего лишь его иллюзия. В коридоре было светло, и Лян Сычжэ без макияжа, когда молчал, казался практически таким же, как на улице Иньсы.

— Сычжэ, ты обязательно должен остаться и поесть. — Чэн Дуань всегда был хорош в общении, естественно, он стал уговаривать его. — В нашей клубной компании недавно появился новый шеф-повар, он готовит великолепно. Закажешь что хочешь, тебе точно понравится.

— Верю, — улыбнулся Лян Сычжэ, — но я сейчас сижу на диете и занимаюсь спортом, готовясь

к роли. Если присоединюсь, только настроение вам испорчу, лучше об этом забыть.

— Ну, выпить-то можно? — Чэн Дуань сделал ещё одну попытку.

— Как назло, я отказался от алкоголя, — ответил Лян Сычжэ.

Чэн Дуань хотел что-то сказать, но Цао Е опередил его, обратившись к Лян Сычжэ:

— Пойдём, я провожу тебя до машины.

Чэн Дуань бросил на него удивлённый взгляд. Он не ожидал от Цао Е таких слов. Приглашать артистов поесть в клубном доме компании было обычной практикой, особенно в отношении таких звёзд, как Лян Сычжэ: впереди много совместной работы, рекламная кампания — поддерживать хорошие отношения было необходимо. Раньше Цао Е, даже если не хотел сидеть за столом, всё равно находил время выпить с ними. Но сейчас Чэн Дуаню оставалось только смириться и направиться с ними к лифту.

Они ехали вниз молча, даже бойкий на язык Чэн Дуань растерял слова — ему показалось, что он и Сунь Циньянь здесь лишние. Нет, лишний он, Сунь Циньянь, по крайней мере, было чем заняться. Например, сейчас Лян Сычжэ спросил у неё: «Где часы?», и она, вытащив их из сумки, отдала ему часы. Лян Сычжэ надел часы на руку, словно не замечая неловкости ситуации, и Чэн Дуань усомнился в себе: «Может, я надумываю?»

Выйдя из здания компании, Чэн Дуань наконец нашёл тему для разговора:

— Вау, у тебя машина с очень высоким клиренсом.

Лян Сычжэ открыл дверь и одним движением сел в машину. Сунь Циньянь влезла с трудом, сначала взявшись за дверь, а потом за спинку переднего сиденья.

— Для хорошего обзора? — рассмеялся Чэн Дуань.

Лян Сычжэ опустил стекло и ответил, выглянув из окна машины:

— Это чтобы ноги казались длиннее. Прощай, господин Чэн!

Чэн Дуань рассмеялся, подошёл и протянул ему руку:

— Сычжэ, спасибо, что пришёл сегодня.

Клиренс машины действительно был высоким: Чэн Дуань ростом выше 180 см был чуть ниже уровня глаз сидящего в машине Лян Сычжэ. Лян Сычжэ пожал ему руку из окна:

— Пожалуйста. — Затем он посмотрел на Цао Е и махнул ему, прощаясь:

— Пока, Цао Е.

Цао Е, стоявший в нескольких шагах, кивнул:

— До свидания.

Стекло поднялось, заурчал двигатель. Лян Сычжэ откинулся на спинку сиденья и посмотрел через тонированное стекло в окно, одновременно обращаясь к сидящей сзади Сунь Циньянь:

— Я проголодался, есть что-нибудь поесть?

— Нет, — высунула язык Сунь Циньянь. — Эти дни были такими напряжёнными, я не успела ничего приготовить. У меня есть шоколадный батончик, но, возможно, тебе он не понравится...

— Ладно, — сказал Лян Сычжэ.

— Раз голоден, почему не остался с ними поесть... Зачем говорил о диете? — тихо проговорила

Сунь Циньянь.

Лян Сычжэ, услышав это, не разозлился, а рассмеялся:

— Разве меня так просто уговорить?

— О, сейчас ты такой сдержанный, — ещё тише сказала Сунь Циньянь.

— Не думай, что я не слышу, — усмехнулся Лян Сычжэ.

Ему нравилась эта девушка. Предыдущие ассистенты боялись его и не решались заговаривать, а Сунь Циньянь иногда тихонько спорила с ним. Лян Сычжэ считал её довольно интересной. Сунь Циньянь поняла, что Лян Сычжэ в хорошем настроении. Он не часто показывал эмоции, даже в плохом настроении мог шутить. Но, проведя с ним некоторое время, она научилась отличать тонкости его настроения. Сейчас ей казалось, что Лян-лаоши пребывает в лучшем расположении духа, чем когда он вернулся с отдыха.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130238>